

В 1853 году книга «**12 лет рабства**» всполошила американское общество, став предвестником гражданской войны. Через 160 лет она же вдохновила Стива МакКуина и Брэда Питта на создание киношедевра, получившего множество наград и признаний, включая **Оскар-2014** как «*Лучший фильм года*» и «*Лучший адаптированный сценарий*».

Что же касается самого **Соломона Нортапа**, для него книга стала исповедью о самом темном периоде его жизни. Периоде, когда отчаяние почти задушило надежду вырваться из цепей рабства и вернуть себе свободу и достоинство, которые у него отняли.

Текст для перевода и иллюстрации заимствованы из оригинального издания 1855 года. Переводчик сохранил авторскую стилистику, которая демонстрирует, что Соломон Нортап был не только образованным, но и литературно одаренным человеком.

Соломон в своей невольничьей одежде на плантации

Отрывок из книги

Головная боль до некоторой степени утихла, но я был крайне слаб и чувствовал дурноту. Я сидел на низкой скамье, сколоченной из грубых досок, без пальто и без шляпы. На руках у меня были наручники. Лодыжки мои тоже были закованы в тяжелые кандалы. Один конец цепи был прикреплен к большому кольцу, вделанному в пол, другой — к кандалам на ногах. Напрасно пытался я подняться на ноги. Очнувшись от столь болезненного транса, я не сразу сумел собраться с мыслями. Где я? Что означают эти цепи? Где Браун и Гамильтон? Что сделал я такого, чтобы заслужить заключение в таком подземелье? Я не мог понять.

Я заговорил было вслух, но самый звук моего голоса испугал меня. Я ощупал свои карманы, насколько позволяли кандалы. Однако этого хватило, чтобы удостовериться, что меня не только лишили свободы, но и все мои деньги и бумаги, удостоверяющие, что я свободный человек, тоже исчезли! Тогда-то у меня в голове начала складываться мысль, поначалу смутная и спутанная, что меня похитили. Но я отринул ее как невероятную. Должно быть, случилось какое-то недопонимание — какая-то злосчастная ошибка.

Миновало около трех часов. Наконец, прямо над моей головой раздались шаги, точно кто-то расхаживал там взад-вперед. Мне пришло в голову, что я, должно быть, нахожусь в подземной камере, и влажные, затхлые запахи этого места подтвердили мое предположение. Шум наверху продолжался по меньшей мере час, а потом, наконец, я услышал шаги, приближавшиеся снаружи. Ключ загремел в замке — крепкая дверь распахнулась на своих петлях, впуслав целый водопад света, и двое мужчин вошли и встали передо мною.

Один из них был крупный, мощный здоровяк лет примерно сорока, с темными каштановыми волосами, слегка побитыми сединой. Лицо его было полным, щеки румяны, черты отличались необыкновенною грубостью и не выражали ничего, кроме жестокости и жадности. Ростом он был около пяти футов десяти дюймов, плотного телосложения. И, да позволено мне будет сказать без всякой предвзятости: всей своей внешностью он производил впечатление угрожающее и отталкивающее. Как я узнал впоследствии, звали его Джеймсом Г. Берчем — он был известным работником в Вашингтоне. В ту пору в своих делах он был связан с партнером, Теофилусом Фриманом из Нового Орлеана. Человек, сопровождавший его, был простой лакей по имени Эбинизер Рэдберн, он служил всего лишь тюремщиком. Оба эти человека по-прежнему живут в Вашингтоне (по крайней мере, жили в то время, когда я возвращался через этот город из неволи в прошлом январе).

— Ну, мой мальчик, как ты теперь себя чувствуешь? — спросил Берч, входя сквозь открытую дверь. Я ответил, что худо, и осведомился о причине моего заключения. Он сказал, что я — его раб, что он купил меня и собирается отослать в Новый Орлеан. Я принялся уверять его, громко и смело, что я свободный человек — житель Саратоги, где у меня есть жена и дети, которые тоже свободные люди, и что я ношу фамилию Нортап. Я горько жаловался на странное обращение, с которым меня здесь приняли, и грозился по своему освобождению потребовать с него удовлетворение за нанесенный ущерб. Он отрицал, что я вольный, и, ругаясь на чем свет стоит, объявил, что я будто бы родом из Джорджии. Вновь и вновь твердил я, что никому не раб, и настаивал, чтобы он немедленно снял с меня цепи. Он пытался утихомирить меня, словно боялся, что кто-то нас подслушает. Но я не желал умолкать и объявил виновников моего пленения, кто бы они ни были, отъявленными злодеями. Обнаружив, что успокоить

меня не удастся, он все больше и больше разъярялся. С богохульными проклятиями он обзывал меня черномазым лжецом, беглым из Джорджии, и всеми прочими низкими и вульгарными эпитетами, какие только могла бы себе представить самая недостойная фантазия.

В течение всего этого времени Рэдберн молча стоял рядом. Его делом было надзирать за этим человеческим — или, скорее, бесчеловечным — хлевом, принимать рабов, кормить и сечь их — за плату в два шиллинга с головы в день. Развернувшись к нему, Берч велел принести паддл и «кошку-девятихвостку». Рэдберн исчез за дверью и через несколько мгновений возвратился с этими инструментами пытки. Паддл — как он именуется на жаргоне тех, кто бьет рабов — по крайней мере, тот, с которым я впервые познакомился и о котором ныне говорю, представлял собою кусок твердой доски, около 18 или 20 дюймов в длину, вырезанный в форме старомодного загребного шеста или обычного весла. Плоская его часть, которая в окружности составляла примерно две раскрытые ладони, была в нескольких местах просверлена буравчиком. Упомянутая «кошка» оказалась толстой веревкой из множества прядей — пряди были расплетены, и на конце каждой завязан узел.

Как только явились эти чудовищные орудия наказания, они вдвоем схватили меня и грубо избавили от одежды. Ноги мои, как я уже говорил, были привязаны к полу. Перегнув меня через скамью лицом вниз, Рэдберн придавил своей тяжелой стопой цепь наручников между моими руками, старательно пригвоздив их к полу. Вооружившись паддлом, Берч принялся бить меня. Удары один за другим сыпались на мое обнаженное тело. Когда его безжалостная рука устала, он остановился и осведомился, по-прежнему ли я настаиваю на том, что я свободный человек. Я продолжал настаивать, и тогда удары возобновились, еще быстрее

и энергичнее, чем прежде, насколько это возможно. Опять утомившись, Берч повторил тот же самый вопрос — и, получив тот же ответ, продолжил свой жестокий труд. Все время избиения этот воплощенный дьявол изрыгал самые демонические проклятия. Под конец паддл переломился, оставив в его руке бесполезную рукоять. Но я по-прежнему не сдавался. Эти жестокие удары не помогли исторгнуть из моих уст гнусную ложь о том, что я раб. Берч в бешенстве швырнул на пол рукоять сломанного паддла и схватился за плетъ. Это второе орудие причиняло куда более сильную боль. Я изо всех сил пытался вырваться, но напрасно. Я умолял о милосердии, но в ответ на мои мольбы сыпались лишь проклятия и новые удары. Я уж думал, что умру под плетью этого зверя. Даже сейчас плоть будто норовит слезть с моих костей, когда я вспоминаю ту сцену. Я весь горел. Такие страдания я не могу сравнить ни с чем, кроме жгучих мучений преисподней!

Под конец я умолк и перестал отвечать на его повторявшиеся вопросы. В сущности, я был уже неспособен говорить. А он продолжал безжалостно охаживать плетью мое несчастное тело, пока мне не стало казаться, что израненная плоть отрывается от костей при каждом ударе. Человек, у которого есть хоть капля милосердия в душе, не стал бы так бить даже собаку. Спустя некоторое время Рэдберн заметил, что бесполезно продолжать меня сечь — я, мол, и так буду весь в синяках. После этого Берч прекратил свое занятие. Напоследок, угрожающе взмахнув кулаком перед моим лицом и с шипением выдавливая слова сквозь плотно стиснутые зубы, он изрек, что если я еще хоть раз посмею заикнуться, будто имею право на свободу, что меня похитили или нечто в этом роде, то нынешнее наказание покажется мне ничем в сравнении с тем, что последует тогда. Он поклялся, что либо подчинит меня, либо убьет. С этими утешительными словами с меня сняли наручники, но ноги оставались по-прежнему прикованными к кольцу.

Спустя час или, может быть, два сердце мое затрепетало в груди, когда в двери снова заскрежетал ключ. Я, которому было так одиноко, который так пламенно жаждал увидеть хоть кого-нибудь, неважно кого, теперь содрогался при мысли о приближении человека. Человеческое лицо внушало мне страх, особенно лицо белого. Вошел Рэдберн. Он держал оловянную тарелку с кусом ссохшейся жареной свинины и ломтем хлеба, и чашку воды. Он спросил, как я себя чувствую, и отметил вслух, что я получил довольно суровую порку. Он принялся увещевать меня — мол, глупо упорствовать, что я будто бы вольный. В покровительственной и доверительной манере он намекал: чем меньше я буду говорить об этом, тем для меня же лучше. Рэдберн явно пытался казаться добрым: то ли его тронуло зрелище моего печального состояния, то ли он стремился удержать меня от дальнейших заявлений о моих правах, — сейчас уже нет нужды это домысливать. Он снял кандалы с моих щиколоток, распахнул ставни на окошке и ушел, вновь оставив меня одного.

К тому времени все тело у меня занемело и ныло от боли; его сплошь покрывали волдыри, и двигаться я мог лишь с великими трудностями. Из оконца не было видно ничего, кроме крыши, опиравшейся на прилегающую стену. Ночью я улегся на влажный, твердый пол, не имея ни подушки, ни какого бы то ни было одеяла. Рэдберн пунктуально приходил дважды в день со свининой, хлебом и водой. Аппетита у меня не было почти никакого, хотя жажда мучила постоянно. Раны мои не позволяли мне оставаться в одном положении больше нескольких минут; и так — то сидя, то стоя, то медленно бродя по кругу — проводил я дни и ночи. Я изболелся душою и пал духом. Мысли о семье моей, о жене и детях непрестанно занимали мой разум. Когда сон одолевал меня, я грезил о них. Мне снилось, что я снова в Саратогe, что я вижу их лица и слышу голоса, зовущие меня. Пробудившись от приятных фантазий сна к горькой окружающей реальности, я мог лишь

стенать и рыдать. И все же дух мой не был сломлен. Я наслаждался предвкушением побега — и намеревался совершить его как можно скорее. Невозможно, полагал я, что люди могут быть настолько несправедливы, чтобы держать меня рабом, когда им станет известна правда обо мне. Берч, убедившись, что я не беглый из Джорджии, наверняка меня отпустит. И хотя подозрения насчет Брауна и Гамильтона порой посещали меня, я не мог примириться с мыслью о том, что они послужили сообщниками моего заключения. Наверняка они станут меня искать — они вызволят меня из неволи... Увы! Я не знал тогда всей меры «бесчеловечности человека к человеку», как не знал и того, до каких пределов безнравственности люди готовы дойти ради наживы.

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОЛОМОНА НОРТАПА, РОЖДЕННОГО СВОБОДНЫМ, НО В ВОЗРАСТЕ 33 ЛЕТ ПОХИЩЕННОГО И ПРОДАННОГО В РАБСТВО

ПОСЛЕ 12 ЛЕТ ИЗНУРИТЕЛЬНОГО ТРУДА,
ПОБОВ И НЕУДАЧНЫХ ПОПЫТОК ОСВОБОДИТЬСЯ
СОЛОМОН СМОГ СПАСТИСЬ И ВЕРНУТЬСЯ К СЕМЬЕ.

ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО В 1853 ГОДУ.

«МЕНЯ ТРЯСЛО. КАЖДАЯ СТРАНИЦА ЗВУЧАЛА КАК ОТКРОВЕНИЕ».

СТИВ МАККУИН, РЕЖИССЕР «12 ЛЕТ РАБСТВА»

«ПОСЛЕ ЗНАКОМСТВА С ИСТОРИЕЙ СОЛОМОНА НОРТАПА
Я ОСОЗНАЛ, НАСКОЛЬКО ЭТО УЖАСНО – ЛИШИТЬСЯ СВОБОДЫ».

БРЭД ПИТТ, АКТЕР И ПРОДЮСЕР «12 ЛЕТ РАБСТВА»

LIVEJOURNAL™

РЕКОМЕНДУЕТ

КиноПоиск
найди своё кино!

ISBN 978-5-699-71831-3

9 785699 718313 >

ЭКСМО